

Энтони Макгоуэн

Жаворонок

Перевод с английского
Дмитрия Карельского

Иллюстрации
Екатерины Бас

Волчок
Москва
2022

Маири Кидд*, вырастившей моих
мальчишек

* Кидд Маири — редактор шотландского издательства Barrington
Stoke, где впервые были опубликованы книги о Ники и Кенни.

Пролог

— Чего-то тут хреново.

— Следи за языком, Кенни, — сказал я. — За каким вообще хреном через раз вставлять это хреново слово «хреново»? Получается глупо и не смешно.

Я попытался изобразить скрипучий голос мистера Кимбла, нашего учителя английского. Но Кенни этого не понял, потому что мы с ним ходили в разные школы.

— Но так ведь охренительно холодно, — сказал Кенни.

— Я это тоже заметил.

— И мы на хрен заблудились.

— Тут ты охрененно прав.

Я осмотрелся по сторонам. Снег перестал, но тропинку почти полностью замело. Вокруг виднелись только белые поля и каменные изгороди. Из мёрзлой земли лезли чёрные скелеты деревьев. Небо было бледно-серым, как спина чайки. Оно выглядело фантастичнее всего остального: ни облаков, ни просветов синевы — одно сплошное, похожее на холодную овсянку серое ничто.

У меня на поводке была Тина, наш джек-рассел-терьер. Сначала она живо радовалась снегу, скалилась на него и хватала пастью, как будто охотилась

на крысу. Но теперь он ей осточертел не меньше, чем нам. Она начинала уставать, её до костей пробирал холод.

— Бывают слова ещё хуже, чем «хреново», — сказал Кенни. Свои большущие руки он прятал от ветра в карманах джинсов. — У нас в школе есть один мальчик, его зовут Майло, и он все их знает.

— Чего? — Мне стало смешно. — Хочешь сказать, он знает все-все неприличные слова?

— Ну да.

— Что, прямо-таки все неприличные слова на свете?

— Ага, — сказал Кенни. — Хотя нет, может, не все на свете, а все в Англии. В других странах наверняка есть такие слова, которых он не знает, типа, как по-китайски неприлично называется шишка или по-африкански — жопа.

— Кенни, нет такого языка — африканский, — сказал я. — Африка — это не страна. В Африке куча стран и сотни языков. И в каждом полно ругательств.

— Ну и что, — сказал Кенни.

Разговор хоть и начал его раздражать, но зато отвлек от мыслей про снег, стужу и неприятную переделку, в которую мы с ним попали.

— Так давай, выкладывай, — сказал я.

— Что?

— Неприличные слова, которые тебе сказал Майло.

— А ты не скажешь папе и Дженни, что я их знаю? — спросил Кенни.

— Конечно нет. За кого ты меня принимаешь?

— Ты сказал им, что я спрятал индейку.

— По-другому было нельзя. А то мы остались бы без рождественского ужина.

Кенни кивнул. Моё объяснение показалось ему логичным.

— Тогда ладно, — сказал Кенни. — Слушай...

И Кенни вывалил на меня весь свой запас неприличных слов. Мы оба развеселились, но недостаточно для того, чтобы ещё и согреться. Половина слов были выдуманные, типа «фунявец» или «пыпыкаться». Не знаю, то ли Майло сам ради шутки выдумал эти слова, то ли услышал эту белиберду от кого-то другого.

Самое смешное было, когда Кенни сказал:

— Земляка — ты знаешь, что это такое?

— Понятия не имею.

— Это одно из самых-самых плохих слов, — объяснил Кенни. — Один раз скажешь — и получишь целый миллион лет в аду. Землякой называют человека, который выкапывает покойников, чтобы заниматься с ними этим самым.

Я чуть не поперхнулся.

— По-моему, это неправда.

— Правда, правда! А тупым землякой называют того, кто забывает взять с собой лопату.

От смеха у меня из глаз потекли слёзы, а из носа — сопли. От слёз и соплей коже сначала стало теплее, но сразу потом ещё холоднее, чем было.

— Это ты... Ты — тупой земляка, — проговорил я.

Кенни меня толкнул, я от смеха потерял равновесие и упал. Притихшая было Тина оживилась и начала с лаем на нас бросаться.

Я грохнулся на снег, но сразу под ним почувствовал твёрдую промёрзшую землю. И внезапно осознал, как сильно мы влипли.

Я встал и отряхнулся. Кенни думал, что я захочу дать сдачи, и на всякий случай со смехом отошёл чуть в сторону. Но потом увидел моё лицо и сразу перестал смеяться.

— Кенни, давай скорее спускаться, — сказал я. — А то мы подохнем тут на хрен.

1

Всё задумывалось совсем не так. Мы собирались отправиться на прогулку.

Лёгкую и весёлую, как песня жаворонка.

Её предложил отец, потому что Кенни в последнее время то тосковал, то слишком заводился и от этого выкидывал разные номера. Он то хандрил и часами молча, как в телик, пялился на дождь за окном. А то вдруг ни с того ни с сего впадал в буйный раж. Тогда он молотил кулаками диванные подушки, выкрикивал на улице всякую ерунду или взбирался на самый верх лазалки на детской площадке в парке и выл оттуда волком. Детям было смешно, а вот мамаш, папаш и нянек, которые курили, сидя на сломанных скамейках, это дико бесило.

Тосковал Кенни оттого, что на дворе были пасхальные каникулы, и из-за них он не виделся со своими школьными приятелями. Он ходил в специальную школу, в которую дети приезжали со всей округи. Поблизости от нас никто из них не жил.

А в возбуждение его приводило то, что на следующей неделе прилетала из Канады наша мама. Она ушла от нас, когда мы были ещё маленькие, и с тех пор мы её ни разу не видели. Как оказалось, она всё это время посылала нам письма и открытки на дни рождения, но мы часто переезжали, чтобы не платить за жильё, и поэтому её писем не получали.

И теперь должна была прилететь у нас пожить. Ну, то есть не у нас, а в отеле. Потому что у отца

появилась новая подружка, Дженни, и ей это было бы напряжно.

Это-то всё и заставляло Кенни то тосковать, то заводиться.

И не его одного.

Меня от мыслей о мамином приезде тоже здорово клинило, но я научился скрывать свои чувства.

Много лет, чтобы не расстраивать Кенни, я старался не подавать виду, что переживаю из-за истории с мамой. Со временем это вошло у меня в привычку. Я держал при себе свои чувства, как во время урока тайком держишь во рту конфету. Вот только чувства эти были совсем не сладкими.

А ещё мне хотелось не думать о том, что у меня была подруга, а теперь её нет. Ни с Кенни, ни с отцом, ни с Дженни поговорить про это было невозможно. И от этого меня всё время подташнивало, как будто я наелся тухлятины.

Ну, словом, я тоже не находил себе места, и, когда отец предложил нам с Кенни прогуляться по вересковым холмам, мне его идея понравилась.

— Там хорошо, — сказал отец.

Мы пили чай, сидя за столом на кухне. Отец только что пришёл с долгой ночной смены в больнице и выглядел усталым.

— Когда я сам был пацаном, твой дед, пока не заболел, часто водил меня в холмы. А тогда же

было не то что сейчас, когда, чтобы просто прогуляться, народ снаряжается, как на Южный полюс. С собой мы ничего такого не брали — только бутылку газировки и сэндвичи с джемом. Мы топали и топали, пока не взбирались на самую верхотуру, откуда далеко внизу был виден целый мир — поля, леса и холмы. А совсем вдали виднелось грязное пятно — это был город Лидс.

О своих родителях отец почти ничего не рассказывал. Они умерли, когда мы с Кенни ещё не родились. Дед был шахтёром, как когда-то и мой отец — до того как шахты закрылись, а все, кто в них работал, остались без дела.

Отец смотрел прямо перед собой, но не вперёд — на раскинувшиеся у его ног поля и леса, — а назад, на поросший вереском холм, на бутылку с газировкой, бутерброды и на своего отца.

Помолчав пару секунд, он продолжил:

— В это время года должны петь жаворонки.

— Что такое жаворонки? — спросил ввалившийся на кухню Кенни.

— Жаворонок — это такая птица, — сказал я.

В птицах я теоретически разбирался. Как выглядит жаворонок, я знал по иллюстрациям в книжках, но живьём его ни разу не видел.

— Ага, — сказал отец. — Раньше тут по полям их было полно, а теперь больше не видать.

— Почему? — спросил Кенни. — Их, что ли, всех убили?

Кенни, хоть и не знал, кто такие жаворонки, любил и очень переживал за всё живое.

— Чего? — отозвался отец. — Да нет. Просто фермеры по-другому используют землю, и жаворонкам стало нечего есть, особенно зимой. А раньше, бывало, весной или летом идёшь по просёлку, а вокруг то тут, то там жаворонки выстреливают в небо, как маленькие коричневые фейерверки. И поют-заливаются — это типа будущие папаши выделяются перед будущими мамами.

Я посмотрел на Кенни. Он с сияющими глазами следил за тем, как жаворонки взмывают в голубые небеса его воображения. Фейерверки он обожал больше всего на свете. И жаворонков наверняка представлял себе с бьющими из задниц фонтанами искр.

Так мы и решили на целый день отправиться в вересковые холмы. Маршрут нам придумал отец.

— Я знаю, где там лучше всего, — сказал он.

Мы нашли нужное место на карте Гугл, и отец её распечатал. Но чернила в принтере почти закончились, и карта получилась бледная и смазанная. До места нам предстояло добираться на трёх автобусах с пересадками в Йорке и Тирске. Мне это

понравилось — уже сам такой сложный путь был похож на приключение.

— С последнего автобуса сойдёте здесь, — сказал отец, ткнув пальцем в карту, разложенную на кухонном столе. — Отсюда отходит просёлок. — Он показал на тонкую линию, которая, петляя между холмами, соединяла две деревни. — Идти там мили две, не больше. На случай, если вам что-нибудь понадобится, в деревнях есть магазины. А на обратный автобус сядете здесь. — Отец снова ткнул пальцем в карту.

Выступать надо было очень рано, иначе за день не обернёшься. Отец работал в больнице по ночам — возил пациентов на каталках. Поэтому утром его ещё не было дома. В другой раз нам помогла бы собраться Дженни, но у неё тоже была ночная смена.

Кенни проснулся затемно — он так всегда делал, когда намечалось что-то интересное.

— Ники, вставай! — заорал он, мигом прогнав снившийся мне совершенно чудесный сон.

Его возбуждение передалось Тине, которая всегда спала, уткнувшись задницей Кенни в лицо. Она принялась яростно твякать и щёлкать зубами.

У Тины было тельце цвета грязного носового платка и коричневая мордочка. Большим умом она не отличалась, зато была существом преданным, а за Кенни и вовсе могла жизнь отдать. Мы выбрали

Тину после того, как одни придурки бросили её умирать. Перед этим они использовали её для охоты на барсуков. Я думаю, мы спасли ей жизнь, и она считала себя в долгу перед нами.

— Покорми Тину, а потом сделай сэндвичи, — сказал я Кенни. — А я пока остальное соберу.

— Какие сэндвичи сделать? — спросил Кенни.

— С джемом, конечно, — ответил я, вспомнив отцовский рассказа про походы с дедушкой. — И с сыром тоже.

Я запихал в свой адидасовский школьный рюкзак перчатки, шарф, запасной свитер и шерстяную шапку с помпоном, потому что знал, что Кенни ничего из этого не наденет. Шарф и шапка были цветов «Лидс Юнайтед» — белые в жёлтую и синюю полоску. Туда же в рюкзак я положил распечатанную карту и заряженный мобильный телефон. И ещё свой любимый перочинный ножик — на случай, если срочно придётся обстругать палочку или отбиться от толпы зомби.

Во внутренний карман я сунул зажигалку. Обычную дешёвую пластмассовую. Откуда она у меня взялась, я не помню. Наш отец не курил. Иногда мне казалось, что она могла быть ещё маминой. Поэтому я её и хранил, при том что, скорее всего, зажигалку оставил у нас кто-то из отцовских собутыльников в те времена, когда он беспробудно пил.